

УДК 81'42

НОМИНАЦИЯ ГЕРОЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Е. В. Черкашина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
hellen-ok@mail.ru*

Статья посвящена специфике отражения в художественном тексте индивидуально-авторской картины мира Гоголя. Подробно рассматривается функционирование в текстах специфических украинских номинаций героев.

Ключевые слова: художественный текст, индивидуально-авторская картина мира, номинации героев.

Самое распространенное определение языковой картины мира, которое является на сегодня «классическим» и используется в качестве рабочего практически во всех лингвистических работах, связанных с данной проблематикой, гласит, что это «исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности». Общеизвестно, таким образом, что языковая картина мира непосредственно связана с сознанием «данного языкового коллектива», как и «с данным языком». Положение о том, что каждый язык «рисует» свою картину, изображающую действительность, несколько иначе, чем это делают другие языки, стало аксиомой. В. Гумбольдт писал, что «...различия между языками суть нечто большее, чем просто знаковые различия, что слова и формы слов образуют и определяют понятия и ...различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями» [1, с. 370]. Авторы современных лингвистических работ, в первую очередь, интересуют различия, зафиксированные в языковой картине мира «языковых коллективов», определяемые именно «способом концептуализации действительности». Различия эти учеными рассматриваются как на глобальном уровне, уровне языка нации, так и на уровне языковой личности как носителя культурно-языковых ценностей. Активно исследуются в данном контексте и индивидуально-авторские картины мира представителей отдельных лингвокультур, ведь кроме индивидуально-личностной составляющей, которая определяет сущность текста как произведения словесного искусства и эстетического события, авторская картина мира, «как и картина мира любого индивида, включает в себя универсальное и национальное» [2, с. 92].

Именно специфическая «национальная составляющая» индивидуально-авторской картины мира Н. В. Гоголя и является предметом нашего исследования. Дело в том, что в словесную ткань повествования ранних произведений Гоголя включаются *инородные* элементы – языковые единицы, репрезентирующие *иную* национальную картину мира, что провоцирует поразительный художественный эффект – русскоязычный читатель, оставаясь в пределах родной языковой картины, оказывается как бы «внутри» иного мировидения. Это тем более поразительно, что языковая картина мира малороссов «по определению» должна быть близкой/совпадать/определяться картиной мира россиян, как языковая картина мира близкородственного народа. Гоголь же смог передать *иное* мировидение, своеобразное и совершенно незнакомое «просвещенному» русскому читателю. С одной стороны, он рисует фантастический и в определенной мере экзотический для россиян мир трансцендентального, существующий в сознании жителей украинской провинции, с другой, – саму украинскую провинцию начала XIX века. Писатель не просто разграни-

чивает русскую и украинскую картины мира, но и при помощи дейктических маркеров *ваш/наш* уже в Предисловии противопоставляет их. Здесь же, в Предисловии, приводится первое «языковое указание» на то, что читателю будет представлен иной, незнакомый мир – Словарь с подзаголовком *слова, которые в книжке этой не всякому понятны*. Так же ярко иное мировидение репрезентируют и украинские эпиграфы в первой повести «Сорочинская ярмарка», и фрагменты украинских песен, и украинская лексика, служащая для описания национальных обрядов, обычаев и традиций.

Помимо подобных прямых указаний на «украинскую стилистику» повести, существуют иные, более тонкие текстовые способы представления иной картины мира. Для того чтобы выяснить, с помощью каких средств Гоголь создает национальный колорит повестей, обратимся к словам с имплицитными или эксплицитными семами ‘человек/люди’ (антропологическим компонентом значения), которые, без сомнения, в первую очередь репрезентируют художественную картину мира любого произведения.

Проанализируем номинации, включающие сему ‘мужчина’, которые употребляются в повестях. Показательно уже количественное сравнение русских и украинских наименований мужчин. Оказывается, номинации, функционирующие в украинском языке (*парубок, хлопец, козак, пан*), употребляются в цикле намного чаще, чем русские. Так, в текстах слова *парень* и *мальчик*, которые представлены в гоголевском Словаре как переводные русские эквиваленты для слов *парубок* и *хлопец* (*Парубок – парень. Хлопец – парень, хлопец – мальчик*) употребляются всего по 2 раза. Лексем же *парубок* и *хлопец* употребляются 71 и 42 раза соответственно. Очень активно и только в «украинской форме» употребляется существительное *козак* (106 употреблений), почти так же часто встречается и существительное *пан* (103 случая). Самых же распространенных русскоязычных номинаций *мужчина* и *юноша* в ранних текстах Гоголя практически вообще нет («практически», потому что существительное *мужчина* встречается 2 раза в повести «Федор Иванович Шпонька...», что еще раз подтверждает неоднократно отмеченную «исключительность» этой повести в цикле). Активно употребляется существительное *дед* с общеславянским корнем, которому в украинском языке соответствует существительное *дід*, причем это существительное вполне закономерно более частотно в повестях с главным героем – дедом («Пропавшая грамота» и «Заколдованное место»). Таким образом, **само соотношение украинских и русских номинаций** героев **создает украинский фон**, на котором они (герои) и действуют. Однако и этот фон окончательно не определяет национальный колорит повестей. В них создается определенный «языковой орнамент», в котором использование каждого из слов определяется той ролью, которую они играют в индивидуально-авторской картине мира Гоголя.

Тонкости употребления существительных зависят, в первую очередь, от особенностей сюжета. Так, существительные *парубок* и *хлопец* частотны в повестях, где сюжетная линия строится на отношениях молодых влюбленных героев («Ночь перед Рождеством», «Майская ночь», «Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купалы»). Один из центральных образов этих повестей – образ молодого человека, парня, юноши, «парубка». Это и главные герои повестей, и фигуры «массовки». Обратимся к основным номинациям, которые употребляются при описании молодых людей – *парубок* и *хлопец*. Судя по Словарю Н.В. Гоголя, эти слова – абсолютные синонимы: *Парубок – парень. Хлопец – парень*. Действительно, в украинском языке оба слова употребляются для называния молодых людей, однако об их полной синонимии, судя по данным украинских толковых словарей, говорить нельзя. Интегральной для этих слов является сема ‘молодой’, но в семантическую структуру слова *парубок* в украинском языке включаются дифференциальные семы ‘неженатый’ и ‘мужчина’, а в семантическую структуру слова *хлопец* – ‘мальчик’, ‘подросток’. Ср. статью из украинского толкового словаря: *Парубок – 1) молодий чоловік, юнак; 2) нежонатий чоловік. Хлопець – 1) дитина або підліток чоловічої статі // те саме, що син // молодий чоловік, юнак, парубок; 2) перев., мн. Уживається як назва чоловіків (здебільшого при звер-*

танні); 3) *заст. Підліток-слуга*. Таким образом, лексемы *парубок/хлопец* дифференцируются в массовом украинском сознании на уровне значения.

В русских толковых словарях различия между этими словами представлены не на семантическом, а на стилистическом уровне. Немаловажно уже то, что эти слова включены во многие русские словари, то есть являются определенными (периферийными) элементами русского лексического фонда, что облегчает их восприятие русскоязычными читателями. В русских словарях подчеркивается «украинский характер» лексемы *парубок* (прямо определяется принадлежность номинации к языковой картине мира другого народа), лексема же *хлопец* маркируется, как правило, как нейтральная или просторечная. Ср.:

ПА́РУБОК, -бка, м. **На Украине:** юноша, парень (Ожегов). Па́рубok. м. местн. Юноша, парень (**об украинце**) (Ефремова). ПАРУБОК. **В рассказах из украинской жизни** – парень. *Утомленные дневными трудами и заботами парубки и девушки шумно собирались в кружок*. Гоголь. (Ушаков).

ХЛО́ПЕЦ (хлоп, холо́п) **южн.** парень, мальчик, малый (Даль); ХЛО́ПЕЦ (прост.). Парень (в 1 знач.), а также мальчик (Ожегов). Хло́пец **разг.** Парень (Ефремова). ХЛО́ПЕЦ, хлопца, муж. (**разг., обл.**). Парень. «Ты, хлопец, может быть не трус, да глуп, а мы видали виды» Пушкин (Ушаков).

Обратимся к функционированию слов *хлопец* и *парубок* в названных повестях гоголевского цикла.

В гоголевских текстах существительное *хлопцы* употребляется преимущественно во множественном числе и обозначает компанию молодых людей, как правило, проводящих время в шалостях и развлечениях: *Притворился старый хрен, по своему обыкновению, глухим: ничего не слышит и еще бранит, что шатаюсь бог знает где, повесничаю и шалю с хлопцами по улицам* (Майская ночь или Утопленница); «Голова! голова! это голова!» закричали **хлопцы** и разбежались во все стороны (Майская ночь или Утопленница); *Тут он мигнул хлопцам, и те же самые, которые сторожили его, кинулись развязывать* (Сорочинская ярмарка).

Контекстная семантика существительного *хлопец* включает указание на возраст: «*Батько, твои волосы белы, как снег, а ты разгорелся, как неразумный хлопец!*» (Страшная месть); *добро бы еще хлопец какой, а то старый кабан, детям на смех, танцует ночью по улице!* (Майская ночь, или Утопленница).

Существительное во множественном числе *хлопцы* – один из самых распространенных в текстах вокативов: «*Что ж вы, хлопцы!*», сказал дед: «*рты свои разинули?*» (Заколдованное место); *Ну, хлопцы, будет вам теперь на бублики!* (Заколдованное место); «*Нет, хлопцы, нет, не хочу! Что за разгулье такое!*» (Майская ночь); «*Покажем ему, хлопцы, что мы вольные козаки!*» (Майская ночь); *Любо, вольно на сердце; а душа как будто в раю. Гей, хлопцы! Гей, гуляй!* (Майская ночь); «*Эх, хлопцы! гулял бы, да в ночь эту срок молодцу!*» (Пропавшая грамота); «*С ума спятили вы, хлопцы! Где видано, чтобы человек сам у себя крал что-нибудь?*» (Сорочинская ярмарка).

Если лексема *хлопец* служит для создания обобщенного образа молодого человека, то слово *парубок* в гоголевских текстах несет основную этнокультурную нагрузку.

Этнокультурный портрет парубка. Тексты повестей позволяют воссоздать тот собирательный образ украинского парубка, который характерен для гоголевской индивидуально-авторской картины мира. Наиболее детальное описание парубка, его «этнокультурный портрет», включающий специфические украинские атрибуты приводится в «Вечере накануне Ивана Купала»: *Они говорили только, что если бы одеть его в новый жупан, затянуть красным поясом, надеть на голову шапку из черных смушек с щегольским синим верхом, привесить к боку турецкую саблю, дать в одну руку малахай, в другую лольку в красивой оправе, то заткнул бы он за пояс всех парубков тогдашних. <...> Как парубки, в высоких козацких шапках, в тонких суконных свитках, затянутых шитыми се-*

ребром поясами, с люльками в зубах, рассытались перед ними мелким бесом и подпускали турусы. Названия большинства из атрибутов внешности парубка включаются Гоголем в словарь в Предисловии, то есть являются теми лексемами, которые сам автор относит к элементам языковой картины мира украинцев; некоторые из них определяются как специфические «украинские номинации» и в словаре В.И. Даля: *Жупа́н, род кафтана (Гоголь, Предисловие); Сму́шки, бараний мех. (Гоголь, Предисловие); Малаха́й, плетъ. (Гоголь, Предисловие); Лю́лька, трубка (Гоголь, Предисловие); Сви́тка, род полукафтанья (Гоголь, Предисловие). ЖУПАН теплая верхняя одежда на Украине, род охабня (Даль). МАЛАХАЙ Южн. длинная плетъ, кнут (Даль).* Каждая из этих вещей в гоголевской художественной картине мира является неотъемлемым атрибутом парубка.

Парубок по отношению к окружающему миру. Парубок, так же, как и *хлопец*, чаще всего изображается в момент беззаботного веселья (стоит вспомнить прецедентный гоголевский текст «Парубки гуляют»), но в отличие от *хлопца*, в гоголевском мире парубок всегда существует рядом с девушкой и «по отношению» к ней. В текстах «Вечеров...» чрезвычайно распространены: 1) предложения с сочинительной конструкцией парубки и девушки (парубок и девка); 2) предложения, в контексте которых описываются отношения парубок – девушка, парубки – девушки:

1) Ну, если где парубок и девка живут близко один от другого... (Вечер накануне Ивана Купала); Было то время, когда утомленные дневными трудами и работами парубки и девушки шумно собирались в кружок (Майская ночь); Как бы хорошо теперь лежать <...> и слушать сквозь упоительную дремоту колядки и песни веселых парубков и девушек, толпящихся кучами под окнами (Ночь перед Рождеством); А! кто-то стукнул, верно, девчата с парубками (Ночь перед Рождеством); Толпы парубков и девушек показались с мешками (Ночь перед Рождеством); Трудно рассказать, как хорошо потолкаться, в такую ночь, между кучею хохочущих и поющих девушек и между парубками, готовыми на все шутки и выдумки (Ночь перед Рождеством); дочка его и парубок спокойно стояли, обнявшись и напевая друг другу какие-то любовные сказки (Сорочинская ярмарка); Между тем молодцы и девчата, утершись шитыми платками, выступали снова из рядов своих; а парубки, схватившись в боки, гордо озираясь на стороны, готовы были понестись им навстречу (Страшная месть).

2) кричала Ганна, вырываясь из толпы парубков, наперерыв спешивших обнимать ее (Майская ночь); Парубки гуртом провозгласили, что лучшей девки и не было еще никогда и не будет никогда на селе (Ночь перед Рождеством); Парубки гонялись за нею толпами, но, потерявши терпение, оставляли мало по малу и обращались к другим, не так избалованным (Ночь перед Рождеством).

Без сомнения, в гоголевской индивидуально-авторской художественной картине мира представлены традиции парубоцтва (особой группы молодёжи), характерные для украинской национальной картины мира. Сравнение с описанием парубоцтва, представленным в работе В. В. Боржковского «"Парубоцтво", как особая группа в малорусском сельском обществе» [3, с. 765], позволяет сделать вывод, что в «Вечерах» отражаются только те характеристики парубоцтва, которые важны для художественной картины мира автора и дают наиболее яркое представление об украинских обычаях, обрядах, праздниках. В частности, как было сказано выше, дается представление о внешнем облике парубка. «Исключительное право парубков посещать «музыки», «улицы» и «вечерницы» ... описано в «Предисловии к первой части»: На балы если вы едете, то именно для того, чтобы повертеть ногами и позевать в руку; а у нас соберется в одну хату толпа девушек совсем не для балу, с веретеном, с гребнями; и сначала будто и делом займутся: веретена шумят, льются песни, и каждая не подымет и глаз в сторону; но только нагрянут в хату парубки с скрыпачем – подыметесь крик, затеется шаль, пойдут танцы и заведутся такие штуки, что и рассказать нельзя. В повести «Страшная месть» слово парубок встречается

в описании свадебной церемонии (у Боржковского указывается, что «только парубки могли играть роль бояр на свадьбах»): *Между тем молодицы и девчата, утершись шитыми платками, выступали снова из рядов своих; а парубки, схватившись в боки, гордо озираясь на стороны, готовы были понестись им навстречу – как старый есаул вынес две иконы благословить молодых.* Стоит заметить, что в исследовании Боржковского понятия *парубок* и *хлопец* разграничиваются как возрастные: «Хлопец» становился «парубком», достигая 16 – 17 лет.

Номинация *парубок* относится и к главным «романтическим» героям цикла (Грицько из «Сорочинской ярмарки», Петро из «Страшной мести», Левко из «Майской ночи», Вакула из «Ночи перед Рождеством»). При описании внешности романтического героя используются те же лексические единицы, которые Гоголь использует при описании других парубков, его товарищей (*свитка, шапка решетиловских смушек, цветной пояс, нагайка*): *Оглянувшись, увидела она толпу стоявших на мосту парубков, из которых один, одетый пощеголеватее прочих, в белой свитке и в серой шапке решетиловских смушек, подпершись в бока, молодецки поглядывал на проезжающих* (Грицько, «Сорочинская ярмарка»), ... *надел то самое платье, которое достал от запорожцев, вынул из сундука новую шапку из решетиловских смушек с синим верхом, которой не надевал еще ни разу с того времени, как купил ее еще в бытность в Полтаве; вынял также новый всех цветов пояс; положил всё это вместе с нагайкою в платок и отправился прямо к Чубу* (Вакула, «Ночь перед Рождеством»); *С бандурою в руках пробирался ускользнувший от пессельников молодой козак Левко, сын сельского головы. На козаке решетиловская шапка* (Левко, «Майская ночь»).

Главный герой обрисован схематично, средством индивидуализации его, как правило, является одна, причем также достаточно типичная черта. Для Грицька из «Сорочинской ярмарки» – это белая свитка (вероятно, в противоположность трансцендентальной красной свитке из этой же повести): *Оглянувшись, увидела она толпу стоявших на мосту парубков, из которых один, одетый пощеголеватее прочих, в белой свитке <...> подпершись в бока, молодецки поглядывал на проезжающих; продолжал парубок в белой свитке; Оглянулась – и парубок, в белой свитке, с яркими очами, стоял перед нею.* Основным атрибутом внешности романтического героя «Майской ночи» Левка является украинский национальный инструмент – бандура: *С бандурою в руках пробирался ускользнувший от пессельников молодой козак Левко, сын сельского головы. На козаке решетиловская шапка; Козак идет по улице, бречит рукою по струнам и подтанцовывает; <...> говорил парубок, обнимая ее, отбросив бандуру, висевшую на длинном ремне у него на шее, и садясь вместе с нею у дверей хаты.* Средством индивидуализации главного героя повести «Ночь перед Рождеством» Вакулы является определение рода деятельности, выраженное приложением *кузнец*.

В описании внешности главных героев (как юношей, так и девушек) Гоголь использует, скорее, не индивидуальные характеристики, а национальные стереотипы красоты. Так, контекстуальное значение лексемы *черный* в сочетаниях *черные брови, карие очи, чернобровый, кареокий*, так же, как и в украинском коммуникативном сознании, несомненно, 'красивый': «*Расскажи, расскажи, милый, чернобровый парубок!*» (Майская ночь); «*Я тебя люблю, чернобровый козак! За то люблю, что у тебя карие очи, и как поглядишь ты ими – у меня как будто на душе усмехається: и весело и хорошо ей; что приветливо моргаешь ты черным усом своим; что ты идешь по улице, поешь и играешь на бандуре, и любо слушать тебя*» (Майская ночь). *Какой же он хороший! как чудно горят его черные очи! как любо говорит он: Парасю, голубко!* (Сорочинская ярмарка); *любила б его карие очи, целовала бы его белое личико, да не велит судьба моя* (Вечер накануне Ивана Купала). Закономерно, что в процессе превращения козака в колдуна карий цвет глаз меняется на зеленый: *Когда же есаул поднял иконы, вдруг все лицо его переменялось:*

нос вырос и наклонился на сторону, **вместо карих, запрыгали зеленые очи, губы засинели, подбородок задрожал и заострился, как копые, изо рта выбежал клык, из-за головы поднялся горб, и стал козак – старик** (Страшная месьть). Выразительная деталь, с помощью которой автор локализует описываемое пространство «до размеров Полтавщины», – это шапка решетиловских смушек, деталь внешности романтического героя. Ср. в словаре Фасмера: *решетилловская смушка* (напр. у Гоголя). *От мест. н. Решетилловка [в бывш.] Полт. губ.*

Итак, Гоголь использует украинские лексемы *парубок* и *хлопец*, которые понятны русскоязычному читателю (являются элементами общеславянского фонда – *хлопец*, маркерами Украины в сознании русских – *парубок*), однако при использовании этих единиц использует «затекстовую» информацию, в частности, информацию о таком национальном явлении, как *парубоцтво*.

Самая «популярная» номинация для мужчин разного возраста в ранних повестях Н. В. Гоголя – это существительное *козак*. В текстах оно употребляется исключительно в этой «украинской» форме. Если учесть, что традиционно Полтавщина не была местом проживания казаков как особого воинского сословия, то, вероятно, что употребляется оно в большинстве повестей в значении, указанном в словаре В.И. Даля: *Малороссийские казаки те же крестьяне и ставят рекрут на своих правах*.

Это подтверждается тем, что в «полтавских» повестях номинация **козак** относится к мужчинам разных социальных групп и профессий:

– к батраку Петру Безродному: *В том селе был у одного казака, прозвищем Коржа, работник, которого люди звали Петром Безродным – «Полно горевать тебе, козак!» загремело что-то басом над ним* («Вечер накануне Ивана Купала»);

– к земледельцам: *Я знаю хорошо эту землю: после того нанимали ее у батька под баштан соседние казаки* (Пропавшая грамота);

– к мужикам: *Шел ли набожный мужик или дворянин, как называют себя козаки, одетый в кобеняк с видлогою, в воскресенье в церковь или, если дурная погода, в шинок, как не зайти к Солохе* (Ночь перед Рождеством).

Однако слово *козак* нередко употребляется с определенной коннотацией «мужественности»: *«Я вижу уже по глазам, что ты козак – не баба»* (Пропавшая грамота); *Что прикажешь делать? Козаку сесть с бабами в дурня!* (Пропавшая грамота); *«Разве мы не такого роду, как и он? Мы, слава богу, вольные казаки! Покажем ему, хлопцы, что мы вольные казаки!»* (Майская ночь, или Утопленница).

Изменение характера названных номинаций связано **не только со спецификой сюжетных описаний** (*парубок* и *хлопец* в повестях с романтическим сюжетом, *дед* с одноименным главным героем), но и с **изменением художественного географического пространства** в отдельной повести. Если в большинстве повестей действие происходит в пределах Полтавской губернии, то есть юго-восточней Киева, то пространство повести «Страшная месьть» (особой, как отмечают все исследователи, повести цикла), без сомнения, ограничивающее и локализирующее действие также в Украинской земле, смещается в сторону юго-запада (Киев – Карпаты). Наблюдения показывают, что именно в этой повести меняется та специфическая языковая картина, которая была представлена в других повестях, в частности, по-другому, и количественно, и качественно, представлены исследуемые номинации.

В этой повести меняется частотность употреблений некоторых из тех названий мужчин, о которых речь шла выше (*парубок*, *козак*, *дед*). Резко сокращается использование существительных *дед* (4 из 132) и *парубок* (2 употребления из 73), первое из которых, вероятно, не соответствует «демоническо-романтической» стилистике повести, а второе не вписывается в географические координаты (традиции *парубоцтва* характерны для центральной Украины). С другой стороны, гораздо активнее употребляются лексемы *козак* и *пан*. Именно в этой повести встречается более половины всех текстовых употреблений слова *козак* – 58 из 106. Для сравнения: в других повестях лексема употребляется от 1 раза («Заколдованное место», «Сорочинская ярмарка») до 14 раз

(«Майская ночь»). Однако в этой повести речь идет именно о казаках как воинском сословии – повесть начинается с рассказа о свадьбе *есаула* Горобца (*есаул*, в соответствии со словарями, *чин в казачьих войсках*).

Слово *хлопец* в повести, судя по контексту, тоже употребляется в «особом» для цикла значении – ‘подросток-слуга’ (*Підліток-слуга*, по данным украинских толковых словарей). В большинстве примеров семантика слова *хлопец* определяется из соотношения со словом *пан* как антонимичная (‘прислуга’/‘хозяин’):

1) **Хлопец**, дай мне огня в люльку! Тут оборотился он к одному из гребцов, который, выколотивши из своей люльки горячую золу, стал перекалывать ее в люльку **своего пана**;

2) Сидят впереди **два хлопца**; черные козацкие шапки набекрень, **пан их Данило** призадумался;

3) Что, мои любые хлопцы, скоро берег? Ну, шапки я вам дам новые. Тебе, Стецько, дам выложенную бархатом с золотом. Я ее снял вместе с головою у татарина;

4) Эй, **хлопец!** крикнул **пан Данило**. «Беги, малый, в погреб, да принеси жидовского меду! Горелки даже не пьет!»

Без сомнения, именно со сдвигом в художественном пространстве Украины «в сторону Польши» связано активное использование в тексте повести и лексемы *пан* (71 из 103 употреблений). Слово *пан* встречается в цикле гораздо чаще, чем его синонимы – традиционные русские номинации (*господин* 7 раз, *помещик* – 1 раз, слово *барин* вообще не употребляется). В повести активнее всего представлены отношения Украина – Польша (в частности, из 19 общих употреблений слова *лях* 14 – в данной повести). По данным словарей, слово *пан* польского происхождения; в Польше это вежливое обращение к мужчине. В повести «Страшная месть», в отличие от других повестей цикла, слово *пан* употребляется как традиционное польское обращение – вместе с именем. Примечательно, что номинация *пан* в повести употребляется как по отношению к главному «положительному герою» (слово «пан» соответствует традиционному польскому употреблению), так и по отношению к врагам:

1) **Паны** веселятся и хвастают, говорят про небывалые дела свои, насмеются над православьем, зовут народ украинский своими холопьями и важно крутят усы, и важно, задравши головы, разваливаются на лавках;

2) **Паны** беснуются и отпускают шутки: хватают за бороду жида, малюют ему на нечестивом лбу крест; стреляют в баб холостыми зарядами и танцуют краковяк с нечестивым попом своим.

Таким образом, в своей работе мы попытались показать, с помощью каких способов Н. В. Гоголь представляет носителям российской лингвокультуры иное национальное мировидение. Мы пришли к следующим выводам:

1. В создании национальной картины мира в произведениях Н. В. Гоголя главную роль играют национальные образы, национальный характер как носители особой выразительности национального мироощущения;

2. В лексиконе, представляющем наряду с другими языковыми единицами национальную языковую картину мира, аккумулированы названия элементов материальной и духовной культуры украинского народа;

3. Семантика слова в художественном тексте Н. В. Гоголя опирается не только на текст, но и на «затекстовую» информацию: ходячие представления, мифы, обряды, приметы, обычаи и т. д. – все, что образует так называемую фоновую информацию;

4. Представленная как фрагмент индивидуально-авторской картины мира Гоголя, национальная картина мира отражает специфику национального мировидения во всей его дискретности, сложности и, в некоторой степени, противоречивости.

Список литературы

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
2. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. – СПб.: Книжный дом, 2006. – 172 с.
3. Боржковский В. В. «Парубоцтво», как особая группа в малорусском сельском обществе / Киевская старина. – 1887. – Т. XVIII. – С. 765 – 776.

NOMINATION OF THE HERO AS A REFLECTION OF THE NATIONAL COMPONENT OF THE INDIVIDUAL AUTHOR'S WORLD VIEW

E. V. Cherkashina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
hellen-ok@mail.ru*

The paper is devoted to the specifics of the reflection of the individual author's world view of Gogol in a literary text. The detailed analysis of functioning of specific Ukrainian nomination of heroes in texts is presented in the article.

Key words: literary text, individual author's picture of the world, nomination of heroes.